

На правах рукописи

Велилаева Лилия Раимовна

Патриотические мотивы
в шотландской эмиграционной поэзии США
XIX века

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература стран Западной Европы и Северной Америки, а
также ЮАР, Австралии и Новой Зеландии)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Симферополь – 2017

Диссертация выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Новикова Мария Алексеевна

Официальные оппоненты:

Осовский Олег Ефимович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

Тулуп Эльзара Рефатовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и межъязыковых коммуникаций ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Защита состоится «___» декабря 2017 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 900.006.09, на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 20 уч. корпус № 2 зал заседаний диссертационных Советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
<http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-d-900-006-09>

Автореферат разослан «___» ноября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Норец Максим
Вадимович,
д.филол.н., доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению патриотических мотивов в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века. Указанные мотивы исследуются через комплексный анализ этой поэзии в её историко-биографическом, историко-литературном, тематическом, жанровом и поэтикальном аспектах.

Подобный подход считаем необходимым по нескольким причинам. Шотландская литература (а тем более шотландская поэзия) продолжает оставаться одним из наименее освещенных участков общеевропейской литературы. Тем более это справедливо относительно шотландской литературы в эмиграции (*Scotland beyond Scotland Studies*). Современные шотландские антологии и литературная критика содержат отдельные пассажи, посвященные тем или иным писателям, сформировавшимся в эмиграции в США. Однако в целом наследие поэтов-эмигрантов XIX века не анализируется (I. Brown, L.J. Brown, G. Caruthers, O. Clancy, R. Crawford, etc.). Есть и немногочисленные монографии о шотландской эмиграционной литературе XIX века. Однако посвящены они не поэзии, а прозе (S. Manning, etc.). Новейшие американисты также не выделяют и не изучают шотландскую эмиграционную поэзию США XIX века как самостоятельное литературное явление (D. Cure, S. Fender, A. Knippling, B.K. Payant, B. Perkins, etc.). В отечественном литературоведении это направление не разрабатывалось.

Период XIX века (1820-е-1900-е годы) явился для поэзии шотландских эмигрантов ключевым во всех отношениях, от идеологического и тематического до собственно поэтикального. В этот период шотландская поэзия Америки завершает этап своего формирования и начинает играть немаловажную роль в духовных и литературных процессах диаспоры. Это не случайно, ибо именно патриотические мотивы являются наиболее актуальными для любой национальной литературы, находящейся в процессе вхождения в литературу мировую.

Воспоминания собственного шотландского детства и/или юности, многовековая история шотландского народа были для поэтов-эмигрантов не «чужой» памятью и не «чужой» историей. Из неё они черпали не только отдельные историко-биографические детали (пейзажные, интерьерные, портретные, сюжетные), но и саму атмосферу, саму идеологию «старой доброй» Шотландии. Поэтому становление

шотландской эмиграционной поэзии невозможно анализировать ни в отрыве от истории шотландской литературы метрополийной, ни без дифференциации этих трендов внутри их общей эволюции.

Патриотические мотивы не только вербализуют идеологические установки, этические нормы и жанровые искания диаспорных литератур Нового и новейшего времени. Эти мотивы обеспечивают взаимодействие разнонациональных и разновременных моделей патриотического внутри многообразных литературных контекстов и традиций. Всё это свидетельствует о *новизне* и *актуальности* материала и проблематики представленной диссертации.

Избранный в ней ракурс исследования потребовал системно проанализировать структурное и концептуальное ядро понятия «патриотические мотивы» в художественных текстах шотландской эмиграции XIX века. Для решения этой задачи, в свою очередь, потребовалось разработать комплексную методiku такого анализа.

Итак, **цель** исследования состоит в научной реконструкции ключевых понятий поэтического дискурса «американских шотландцев» XIX века. Это понятия «Родины», «эмиграции» и «патриотизма». В диссертации они изучаются через их мотивное (образно-символическое, хромотопное, сюжетно-персонажное) воплощение.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- уточнить содержание понятий «Родина», «эмиграция» и «патриотизм» в современной шотландистике и эмиграционистике;
- выявить основные формы реализации патриотических мотивов в шотландской поэзии США XIX века;
- определить ядерные (инвариантные) признаки патриотического в указанной поэзии, обеспечившие её авторам читательское признание среди соотечественников и на «старой» Родине, в Шотландии, и в США;
- дополнить анализ этого инвариантного ядра анализом периферийных (вариативных) признаков, сделавшими возможным многообразие идиостилей американско-шотландских поэтов, их оригинальность и в метрополийном, и в эмиграционном контекстах;
- очертить на основе проведённого анализа «образ Шотландии» и «образ США» как основные содержательные комплексы патриотического дискурса у всех поэтов-шотландцев США;
- предложить методiku полиаспектного анализа патриотических мотивов для шотландской поэзии указанного ареала и периода, а также, при надлежущей адаптации, для эмиграционного дискурса в других ареалах и в другие эпохи.

Объектом исследования является поэзия шотландской эмиграции в США XIX века.

Предмет исследования – художественная реализация патриотических мотивов в названной поэзии.

Материалом исследования послужили свыше 100 поэтических текстов шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века. Все они, кроме специально оговоренных случаев, переведены М.А. Новиковой.

Авторский состав изучаемых в нашей работе поэтов выделен по критерию резонансности: 1) их включению в справочники и антологии Шотландии и США; 2) наличию критических откликов на их творчество; 3) параллельной публикации отдельных изданий их стихов в Шотландии и в США.

Научная новизна работы. В теоретическом плане филологическая трактовка понятия «патриотические мотивы» впервые апробирована на материале шотландской поэзии США XIX века. В методическом плане патриотические мотивы этой поэзии систематизированы и классифицированы с точки зрения их форм и функций. Дифференцированы образы «первой» Родины-Шотландии и «второй» Родины-США. В практическом плане для отечественной науки впервые становится доступным значительный корпус текстов поэтов-эмигрантов, создававшихся на шотландском языке (скотсе), а также на британском и американском английском. Он отражает важнейшие жизненные реалии и духовные ориентиры шотландской диаспоры в США позапрошлого века. Также впервые репрезентированы русские переводы этой поэзии. Даны биографии 28 её ведущих авторов.

Теоретическое значение. Диссертация вносит определённый вклад в историю шотландской литературы, а также в литературоведческую концептологию, мотивологию, патриологию и эмиграционистику. Выделены наиболее характерные патриотические мотивы в творчестве не-политической (трудовой) эмиграции. Эти результаты можно, на наш взгляд, достаточно широко адаптировать для интерпретации типологически схожих произведений других эпох и национальных литератур. Исследованные формы текстуализации патриотических мотивов в нестандартных (эмиграционных) условиях могут также быть полезными для общей мотивологии.

Практическое значение. Основные результаты представленной диссертационной работы могут привлекаться для составления новых учебников и учебных пособий по истории литературы зарубежных стран, особенно по шотландистике (направление *Scotland Beyond Scotland Studies*). Они могут быть полезными для разработки лекционных курсов,

базовых и специальных, высшей школы РФ (разделы «Литература XIX века», «Литература эмиграции»), спецкурсов по литературной мотивологии, эмиграционистике, патриологии и жанрологии. Иллюстративный и методический материал диссертации может найти применение при написании курсовых, дипломных и магистерских работ, а отчасти пригодиться и для гуманитарных колледжей, гимназий и лицеев. Комментарии к отдельным текстам, биографии писателей и русские переводы анализируемых произведений могут быть включены в новейшие хрестоматии, антологии и/или монографические издания.

Методы исследования. В диссертации использован комплекс исследовательских методов. Это обусловлено новизной и объёмом аналитического материала, а также сложностью поставленных задач. Для систематизации научных трактовок понятий «патриотизм», «мотивы» и «эмиграция» применялись тезаурусный и дефинитивный методы. Концептуальный и контекстуальный методы позволили выделить составляющие этих ключевых понятий, но теперь уже в специальном (поэтическом) дискурсе. Метод реального комментирования и историко-биографический метод дали возможность сопоставить шотландские реалии в жизни и в поэзии наших авторов «дома» и «за океаном». Историко-типологический ракурс помог сравнить авторские позиции относительно национальной классики и современной им литературы. Жанрологический и мотивный анализ позволил сфокусировать исследование на полифункциональности и кросскультурности патриотической темы у поэтов-шотландцев США в избранном нами историко-литературном интервале.

Методологической основой диссертации послужили труды отечественных и зарубежных учёных: историков и теоретиков шотландской и американской литературы XIX века (М.П. Алексеев, Б.А. Гиленсон и др., I. Brown, G. Carruthers, O. Clancy, D. Craig, R. Crawford, J.M. Dixon, M. Lindsay, S. Manning, B. Perkins, J.D. Ross, etc.), а также мотивологов, эмиграционистов и патриологов (А.Л. Бем, Е.К. Беспалова, Л.М. Борисова, А.Н. Веселовский, Б.М. Гаспаров, В.Я. Пропп, И.В. Силантьев, А.П. Скафтымов, В.Б. Томашевский, О.М. Фрейденберг, Б.В. Шкловский, Б.И. Ярхо и др., I. Adams, P.W. Coldham, Ch.J. Erickson, S. Fender, etc.) и шотландистов (М.А. Новикова, Э.Р. Тулуп, А.И. Черемисина и др., В. Kay, D. McClure, H. MacDiarmid, T. Scott, J. Wormald, etc.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэты-шотландцы США живут и творят в условиях осознанного двоемирия. Своей Родиной (Mitherland) они признают Шотландию (США,

как правило, – «Отечеством»). Однако «родной дом» (Homeland) для них, в большинстве случаев, находится и на старом, и на новом месте. Т.о. патриотизм «американских шотландцев» как бы удваивается и во времени, и в пространстве, и в персоналиях.

2. Основными формами реализации патриотических мотивов в картине мира у поэтов-шотландцев США являются шотландское пространство, шотландское время и шотландские персонажи, с одной стороны, американское пространство, американское время и американские персонажи, с другой стороны.

3. К ядерным признакам поэзии эмигрантов, обеспечившим ей читательское признание и диаспоры, и метрополии, можно отнести использование шотландского языка (скотса), обращение к шотландской фольклорной и литературной традиции и национальной истории. Вариативные признаки определяются выбором конкретных мест действия, исторических событий и персонажей.

4. Образ прежней Родины воплощается через приметы «старой доброй» Шотландии (реалии локальные, темпоральные и характерологические), а также через символизацию и мифологизацию этих реалий. Образ новой Родины, США, создается на основе тех же традиций метрополийной шотландской поэзии. Однако действуют эти традиции в новой системе американских реалий, символов и неомифов. Поэтому образ Хоумленда, «родной земли» в американском варианте больше политизирован и публичен, в шотландском варианте более личичен и личностен. Коллективный «мы»-персонаж в первом случае – это сограждане, население Штатов; во втором случае – это борцы за свою национальную идентичность и её певцы, шотландский народ.

5. Поскольку патриотическое сознание (в жизни) и патриотические мотивы (в литературе) выявляются всегда в действии, их изучение невозможно без методов полиаспектного анализа. Этот комплекс включает хронотопные и персонажные показатели и предполагает учёт социально-исторических, культурных и этногенеалогических контекстов.

Личный вклад соискателя. Диссертационная работа и 14 статей написаны автором самостоятельно.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (2009-2016). Основные положения и результаты работы были представлены на международных и национальных научных конференциях: XXX, XXXIX, XLII Международных научных чтениях «Культура народов Причерноморья от древности до наших дней» (Симферополь, 2010, 2015,

2017); IV, VII, VIII Международных научных конгрессах исследователей зарубежной литературы и культуры «Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций» (Алушта, 2011; Симферополь, 2016, 2017); Международной научной конференции «Современная филология: проблемы и перспективы» (Симферополь, 2013); Международной научной конференции памяти В.И. Фесенко (Киев, 2014); XIII Международной научной конференции «Межкультурные коммуникации: лингвистические реалии» (Алушта, 2014); XIII Международном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2015); XXII Крымских международных научных чтений И.Л. Сельвинского «Тема Родины в русской литературе XX-XXI вв.» (Симферополь, 2016); Международном научном конгрессе «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (Симферополь, 2016); II Международной научной конференции «Традиционный и современный фольклор: взгляд из XXI века» (Симферополь, 2017); Всероссийской научной конференции с международным участием «Художественная литература и философия как особые формы познания» (Санкт-Петербург, 2014); XXI, XXII, XXIII научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь, 2015-2017).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 14 статей. Из них 11 работ опубликовано в специализированных научных изданиях, 3 работы – в научных сборниках и материалах научных конференций.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, выводов, списка литературы (432 позиции, в т.ч. 230 позиций на иностранных языках), а также приложений. Общий объём диссертации составляет 446 страниц, объём основного текста 188 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность выбранной темы и степень её изученности; заявлены цель и задачи, а также объект и предмет исследования; описаны методологические основы и методики решения поставленных проблем; определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту.

В **Главе I «Шотландская эмиграционная поэзия США XIX века: теория и история вопроса»** представлены ключевые теоретические понятия и методологические проблемы диссертации.

В **§I.1.** рассмотрены теоретические аспекты исследования через его базисные понятия «патриотические мотивы» и «эмиграционная литература».

Понятие патриотических мотивов. Само литературное понятие мотива получило в отечественной и зарубежной филологии очень широкое хождение (А.Л. Блем, А.Н. Веселовский, Г.А. Левинтон, Е.М. Мелетинский, В.Я. Пропп, И.В. Силантьев, Н.Д. Тмарченко, О.М. Фрейденберг, Б.И. Ярхо и др.). В качестве максимально гибкой формулы нами принято определение Б.М. Гаспарова: мотивом может стать 1) любой элемент текста, 2) чьё место в текстовой структуре рефрено, 3) однако семантика не задана заранее, 4) она складывается по мере развёртывания этого текста.

Гораздо сложнее обстоят дела с понятием «патриотического». Как продемонстрировали труды теоретиков и историков литературы и фольклора, символическое выделение и эмоциональное «обживание» «своего» пространства началось вместе с началом человеческой культуры как таковой (Н.П. Лузик, И.В. Наливайченко, М.А. Новикова, И.Н. Шама, Б.Ю. Тарасов, Г.А. Тихомиров и др., М. Eliade, etc.). Дискуссионными остаются объём понятия «Родина»; его качественное наполнение (духовное, идеологическое, этническое, историческое и т.д.); его эмоционально-оценочная трактовка (круг эмотивных ассоциаций, допустимость / недопустимость критических реакций на понятие «Родины»).

Авторы шотландской эмиграционной поэзии США XIX века пишут и печатают свои стихи как в Шотландии, так и в Америке. Им присущ «двойной патриотизм»: относительно и Родины прежней, и Родины новой (которую они, правда, предпочитают именовать не Родиной (Mither Land), а Отечеством (Father Land) (Н. MacCulloch, D.C. MacCallum, W.M. Wood, etc.)). Такая ситуация объясняется своеобразием шотландской эмиграции того времени: её составом и социокультурными характеристиками.

Понятие эмиграционной литературы. Анализ словарных и теоретических источников показал, что наиболее дискуссионными остаются доныне классификация типов эмиграции, а в связи с этим методологические установки при изучении эмиграционной литературы. До недавних пор основным классификационным принципом для определения того или иного типа эмиграции был принцип идеологический. Работы последних лет (Л. Бугаева и др., L.J. Brown, S. Fender, A. Knippling, S. Manning, etc.) показали, что с научных позиций такой принцип не может быть основным, поскольку он сильно зависит от явных или скрытых стереотипов самих исследователей. Кроме того, он слабо учитывает художественную специфику текстов именно литературных, особенно поэтических. Между тем как раз они и являются предметом нашего внимания.

Взамен нами предложен коммуникативный принцип дефиниции и классификации эмиграционной литературы. Подобная литература предполагает многоадресную аудиторию: 1) читателей-шотландцев на прежней Родине; 2) читателей-шотландцев на новой Родине; 3) читателей-нешотландцев в Британии; 4) читателей-нешотландцев в США. Если какая-либо литература принципиально исключила для себя возможность (пусть виртуальную – на расстоянии или в будущем) общения со «старой» Родиной, она переходит, с нашей точки зрения, в разряд сугубо иностранных литератур, хотя бы и создаваемых на одном из диаспорных языков. И наоборот: если какая-либо литература отказывается от коммуникации с новой аудиторией другой страны (в т.ч. с не «своими» эмигрантами), она ставит себя в положение замкнутого анклава. Тем самым она порождает настороженное отношение к себе и блокирует возможности кросскультурного диалога.

В §1.2. были рассмотрены историко-биографические аспекты творчества наших авторов. Выделены 28 поэтов, наиболее часто упоминаемых и высоко оцениваемых критикой, наиболее популярных среди читателей. Применён генерационный принцип их разбиения на эмиграционные потоки (от 1820-х гг. до 1880-х годов). Все эти поэты принадлежат к трудовой эмиграции, типичной для XIX века, в отличие от эмиграции политической, доминировавшей в веке XVIII-м, после поражения вооружённых восстаний шотландцев против Британской Короны (1715, 1745-1746) и последовавших высылки и репрессий.

Проанализирован социальный и профессиональный состав поэтов-эмигрантов. Проведён этимологический анализ их именника, что позволило реконструировать этническую и историческую генеалогию их родов. Все эти стороны их биографий повлияли на картину шотландского мира, созданную в их лирике и «малом эпосе». Аналогичные этнофакторы и социофакторы воздействовали на аудиторию наших поэтов – на её читательские ожидания.

§1.3. посвящён историко-литературным традициям и предпочтениям шотландских поэтов-эмигрантов, а также корреляции этих традиций с литературными вкусами читательской аудитории. Нами выделены три традиции, наиболее влиятельные для шотландской диаспорной поэзии: 1) чисто фольклорная традиция, живая и активная на «старой» Родине (Н. Ainslie, J. Crichton, Н. MacPherson); 2) традиция церковных стихов-песнопений, шедшая ещё от Кельтской Церкви V-XIII вв. и трансформированная, однако энергично подхваченная протестантизмом (J. Lyon, A. MachLachlan, A. Ross); 3) популярная литературная традиция, включавшая (но избирательно) также и «книжную» классику,

французскую, провансальскую или итальянскую, от позднего Средневековья до Романтизма (W. Lyle, J. Patterson, D. Ramsay). При этом поэты диаспоры мало использовали американские поэтические традиции, от Э. По до У. Уитмена. Ни эстетизм первого, ни модернизм второго не совпадали с интересами и вкусами ни шотландских поэтов-переселенцев, ни их «старой» и «новой» аудитории.

Генеалогический и этимологический анализ имени этих поэтов, а также собранные нами данные об их образовании позволяют оценить культурный фон их творчества. При скромном социальном статусе авторов (по большей части не поднявшихся в США выше среднего класса), при аналогичном образовательном уровне, поэзию «американских шотландцев» отличает незаурядная версификационная техника, жанровое и ассоциативное многообразие. Оно, по нашему мнению, объясняется сохранённой родовой, а позднее общенациональной культурной памятью Шотландии. Это наследие и было принесено «за океан», и детерминировало особое место шотландской эмиграции в культурной панораме США XIX столетия.

К сожалению, эта особенность до сих пор очень мало освещена и в американских, и в шотландских научных трудах. По-видимому, причинами тому стали: 1) в Шотландии – всеохватывающий кризис шотландской литературы, культуры, языка, в XIX веке уже превращавшихся в реликт и потому занятых борьбой за собственное выживание; 2) в США – «геттоизация» шотландской диаспоры и её творчества. Диаспорные поэты сами же и писали в подавляющем большинстве случаев статьи о своих земляках и коллегах (W. Wilson, J. Kennedy, D.M. Henderson, etc.).

Изучение теории и истории вопроса о патриотических мотивах шотландской эмиграционной поэзии США XIX века дало основания для следующих выводов.

1. Патриотические мотивы присущи всем национальным литературам всех исторических эпох без исключения. Однако восприятие и эмоционально-оценочное переживание этих мотивов значительно усложняется в нестандартных и/или экстремальных условиях. Одним из таких нестандартных/экстремальных условий является эмиграция авторов и/или читателей какой-либо национальной литературы, особенно эмиграция массовая.

2. Понятие «эмиграции» как новоевропейский концепт сформировалось достаточно поздно, в связи с событиями Французской революции. Тогда же (или вскоре после того) получило широкое распространение и само явление политической эмиграции.

Специфика шотландской эмиграции в США в XIX веке состояла в её двойственном характере. Это была не политическая, а трудовая эмиграция. Вместе с тем, память о предках, боровшихся за независимость на протяжении более чем полутысячи лет, обострила для их потомков и драматизм исторических воспоминаний, и напряженность патриотических чувств, и общенациональный масштаб, в котором осмыслялась миссия поэта. Этим эмиграционная поэзия шотландцев США XIX столетия оказалась типологически асинхронной, функционально асимметричной и тогдашней метрополийной поэзии Шотландии, и поэзии американцев-янки.

3. Не приняв безоговорочно ни одной из современных им литературных тенденций: ни шотландских (для диаспоры США – слишком региональных), ни английских или американских (для той же диаспоры – чересчур модернистских и/или индивидуалистичных), шотландские эмигранты выпали тем самым из сферы повышенного внимания как британской, так и американской критики. В немалой мере они оказались «геттоизированными»: запертыми в кругу «своих» общин, национальных и/или религиозных.

Такая (хотя бы относительная) изоляция не только не соответствовала, но прямо противоречила личным творческим и общественным устремлениям шотландских поэтов США. Они предпринимали энергичные усилия, чтобы их творчество не теряло доступа ни к национальной, ни к кросс-культурной картине мира.

4. Генерационный и генеалогический анализ, выполненный в диссертации, позволил реконструировать недостающие биографические данные о поэтах-шотландцах США изучаемой эпохи. Почти все эти поэты вышли из патриархальных районов Шотландии, многие – из крестьян. Большинство из них не поднялись выше среднего класса и не получили университетского образования. Вместе с тем, глубина их родовой историко-культурной памяти, прочность национальных традиций Шотландии поддержала среди них авторитет образованности, как фольклорной, так и книжной, веками воспитанный интерес к родной и общеевропейской культуре.

5. Отсюда проистекает парадоксальность патриотических мотивов в шотландской поэзии США. С одной стороны, этот патриотизм демократичен по своей идеологии, массов по своей читательской ориентации. С другой стороны, эта поэзия отличается высокой ассоциативной насыщенностью, жанровым разнообразием, незаурядной версификационной техникой.

Указанные свойства помогли поэтам-шотландцам и их текстам успешно выполнять как этномеморативную, так и этноконсолидирующую функции, причем не только для диаспоры, но и для самой Шотландии.

В Главе II «Образ «старой» Родины (Шотландии)» исследуется своеобразие образа Родины именно в эмиграционном дискурсе. Этот дискурс для нас дополнительно детерминирован а) исторически (XIX век), б) этнически (Шотландия, США), в) эстетически (поэзия). Глава состоит из трёх параграфов. §II.1. посвящён шотландскому пространству (топосу), §II.2. – шотландскому времени (хроносу), §II.3. – шотландским персонажам (живущим или жившим на «старой» Родине наших авторов).

Пейзажистика в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов исполняет три доминантные функции: 1) *меморативную*, 2) *мифогенную* (*мифопорождающую*), 3) *консолидирующую*. Всех этих функций ожидает читательская аудитория, а она множественна. И читатели-эмигранты, и жители метрополии (Шотландии) хотели воспринимать авторов как единую с ними этно- и социогруппу: как «настоящих шотландцев» (real Scots).

Такое «братство памяти» как раз и формировали, и поддерживали поэтические пейзажи Шотландии. Ядром их становились природные или рукотворные национальные реалии, перетекавшие в национальные символы. Средствами их воплощения являлись: 1) словесно – наиболее значимые онимы, характеризующие эпитеты, устойчивая тропика; 2) композиционно – рефрены, лейтмотивы, сильные текстовые позиции.

Ведущими среди них были образы и символы *центра* и *границы*, что характерно для патриотического дискурса вообще. Священным центром является сама Родина как земля. Эту семантику несёт в стихах её имя и его перифразы (Mither Land, Aure (Our) Land etc.), а также имена мест, наиболее отмеченных в национальной памяти: 1) отдельных регионов (Highland(s), Ayre etc.); 2) гор (the Grampian Hills, Braemar, Loch-na-Gar etc.); рек (the Clyde, the Dee etc.); 4) озёр (the Loch Lomond etc.) и других природных объектов; 5) мест важнейших исторических событий (Bannockburn(e), Flodden, Culloden etc.); 6) личных памятных мест, связанных с детством/юностью наших авторов (the Clovian Woods, the Ruglin Brig (bridge) etc.) (W. Anderson, D.M. Crerar, P. Ross, J. Kennedy, M. Taylor).

Те же маркеры могут играть роль границы: 1) *эмотивной* (между пространством беззаботного детства – трудной взрослой жизни; любви и дружбы – разлуки); 2) *временной* (между прошлым дома, в Шотландии, и настоящим в эмиграции).

Стиховые ситуации и/или целые сюжеты вплетают эти символы в развёрнутые патриотические мотивы. Сопряжены эти мотивы, как правило, с пребыванием в пространстве Родины/перемещением в пространство чужбины. Описания отъезда «за океан» в поэзии «американских шотландцев» не часты: авторы явно избегают даже воспоминаний об этом событии. Там, где воспоминания всё же есть, эмиграция предстаёт как постепенное исчезновение из картины мира примет родной земли: нарративная традиция, восходящая к фольклору (Н. Ainslie, J. Crichton, Н. MacPherson).

Однако Родина в эмиграционном дискурсе никогда не исчезает полностью. Она сохраняется а) в прекрасном далеке (the Far Away Land); б) в волшебном прошлом (Auld Lang Syne, или – в одно слово – Langsyne); в) в виртуале памяти и мечты. Репрессии, бегство и/или высылка политэмигрантов XVIII века ещё не стёрлись из национальной памяти. Поэтому возвращение на Родину даже спустя десятилетия мыслится, с одной стороны, как невозможное. С другой стороны, оно возможно всегда – как надежда, сновидение или грёза (dream) (J. Patterson, J. Kennedy, D.M. Henderson).

Постепенно, в рамках авторских циклов, целых книг и всего эмиграционного творчества, образ Родины трансформируется в образ Земного Рая. Этот виртуальный рай может наращивать число элементов: очаг – дом – родители – братья и сёстры; или: школа – учителя – товарищи; или: родное селение – ближайшая природа (холмы, леса, луга, поля) – родные растения, звери, птицы. В конечной перспективе эта «дорога мечты» обязательно выводит лирического героя в пространство вечного света, тепла, добра, любви, которое и есть Родина (R. Whittet, A. Wingfield, J. Law).

При анализе «шотландского времени» в §II.2. выявлена особая система темпоральных форм. Меморативная функция эмиграционного дискурса опирается скорее на целенаправленное «время истории», а функции мифогенная и консолидирующая – на мифопоэтическое «время вечного возврата». Вместе с тем, языческая картина мира, актуальная для фольклорной традиции Шотландии, противоречиво сосуществует в поэзии эмигрантов с новейшей, христианской картиной мира и её «параболическим временем».

Историческая Шотландия пережила в XIX веке капитальные перемены. Однако у поэтов-эмигрантов преобладает не «большая история» всей страны, а «малая история» (их личная биография). Зато безоговорочно господствует в эмиграционной лирике «Шотландия вечная» (Scotland Forever). Причём «вечная» она и по языческой модели,

«золотому мифу» о Родине – самой прекрасной и счастливой земле на свете, – и по христианской модели, где Родина – «вечная миссия» шотландцев, призванных продолжать по всему миру дело их предков: мучеников веры и героев свободы (W. Anderson, A. MacLean).

Подобное многовекторное «шотландское время» актуализировало столь же разнообразные жанровые формы: элегию, легенду, меморатив – и гимн, идиллию, утопию. Это предопределило развитие шотландской поэзии США в русле традиций Р. Бёрнса, Дж. Хогга, В. Скотта.

Система шотландских персонажей и средств их характеристики в эмиграционном дискурсе (§II.3.) тоже обнаружила свою этно- и хроноспецифику. Биографии самих поэтов-шотландцев США на сегодня далеко не полны. Тем не менее, собранные воедино и систематизированные в нашей работе, они показывают, что наши авторы в большинстве своём только в первом или во втором поколении были представителями среднего класса, горожанами и людьми из кругов интеллигенции. То же можно сказать об их образованности. Среднее образование уже имели по большей части их отцы. Однако высшее образование не всегда удавалось получить им самим. В то же время многие из них достигли высокого уровня культуры самоучками. Они освоили современные и древние языки (античные и библейские), работали преподавателями и переводчиками, знали европейскую философию, филологию, поэзию.

При всём том персонажи их лирики и малого эпоса отнюдь не всегда принадлежат к среднему классу, ещё реже к интеллигенции или к жителям мегаполисов. Львиная их доля совпадает с излюбленными персонажами метрополийной шотландской поэзии XVII-XVIII вв. Это пастухи и земледельцы, в максимуме – обитатели маленьких провинциальных городков. Женские персонажи этой поэзии – исключительно домохозяйки (P. Ross, J. Patterson, H. MacPherson).

Для уточнения полученных результатов исследуемые тексты были разбиты на персонажные циклы. Самым малочисленным оказался цикл «людей власти». В него попали только 4 эмблематичные фигуры: Роберт Брюс (будущий Король Шотландии Роберт I), Вильям Уоллес, один из вождей Сопrotивления, Королева Мария I Стюарт и Принц Чарли (последний Стюарт – претендент на шотландский трон). Из них в полном смысле действующими лицами можно считать только Уоллеса и Марию (H. Ainslie, W. Lyle, P. MacPherson).

В цикле «людей битвы» фактически присутствуют те же персонажи (кроме Марии), плюс коллективный герой – простые шотландские

солдаты, «серая рать». Именно она и совершала подвиги, и даже посадила на британский трон шотландскую династию Стюартов (J. Kennedy).

Цикл «людей Церкви» (реформаторов-проповедников и мучеников за веру) тоже немногочислен. Эти персонажи сводятся, опять-таки, к эмблематичным именам (Джон Нокс и несколько других) (D.M. Henderson, W.M. Wood).

Самый обширный из персонажных циклов репрезентирует шотландских «людей творчества». Крупным планом в нём выделяется «бёрнсовский подцикл». Здесь мы найдём и элементы биографии Р. Бёрнса, и характеристику его социальных воззрений, и описание его гордого нрава, и аллюзии на образы и мотивы его поэзии. Главное же – Бёрнс выступает как консолидатор всех шотландцев, как «отец нации» и певец нации. Следующий за ним стоит Р.Л. Стивенсон (тоже как поэт нации, не как автор авантюрных романов). Отдельные тексты посвящены философу Т. Карлейлю, поэтам В. Скотту и Дж. Хоггу, современным певцам-бардам (W. Lyle, J. Massie, H. MacCulloch, D. Ramsay, J.D. Law).

Т.о. индивидуализированные портреты шотландцев в «американо-шотландской» лирической галерее – редкость. Зато, в духе и стиле фольклорной и низовой литературной традиции Шотландии, авторы-эмигранты создают мощный коллективный портрет «мы»-героя, шотландского народа, – и лирически задушевный портрет «я»-героя, авторского персонажа.

Правда, внутренний мир этих героев показан чаще всего через их внешние проявления: место в хронотопе, характерные ситуации и прежде всего через их речь. При этом используются два контрастных стиливых регистра. Устная речь людей из народа насыщена субстандартизмами, фольклоризмами, диалектизмами, просторечием и создаёт впечатление живого диалога с читателями/слушателями. Для речевой характеристики «я»-героя авторы подключаются к метрополийной барочной традиции – проповеднической, ораторской, полемической. Актуализируется ещё одна традиция – сентименталистская, предромантическая. Пейзажи Родины становятся трогательными, сердечные признания – пронзительными и подневниковому точными. Авторский «я»-герой не порывает эмоциональной и речевой связи с «мы»-героем – со своими соотечественниками. Он становится их голосом, но на другом интеллектуальном уровне.

1. Итак, образ Родины-Шотландии в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века создаётся ядерными средствами: через шотландский хронос, топос и систему «своих» персонажей. Сами по себе, эти средства не являются этноспецифичными. С помощью таких же средств будет создаваться образ второй, новой Родины-США.

Этноспецифичными являются: 1) текстовые конкретизаторы, 2) жанровые модели и 3) коммуникативные установки авторов (ориентация на определённую аудиторию).

2. Специфика шотландского пространства, шотландского времени и шотландских персонажей у изучаемых нами поэтов оказалась сложной и даже парадоксальной. С одной стороны, острое чувство ностальгии заставляет авторов подробно и точно воспроизводить приметы «старой доброй» Шотландии: реалии локальные, темпоральные, характерологические. Отсюда идёт изобилие шотландских онимов, живописных и эмоциональных эпитетов, региональной (диалектной) лексики и автобиографических деталей. Отсюда же проистекают частые инклюзивные и коллективные местоименные формы: «моя», «мой» (земля, дом, родные люди и т.п.) или «наши» (горы, леса, битвы, песни, герои и т.д.). С другой стороны, образ Родины и патриотические настроения авторов воплощаются символическими и мифопоэтическими способами. Шотландия возникает как прекрасное видение, сон наяву, сказка далёкого детства или ранней юности. Её время останавливается, становясь Вечным Мгновением золотого прошлого, а пространство расширяется и возвышается до Земного Рая.

3. Реальная история Шотландии делается мифопоэтическими временами героев-победителей и проповедников-мучеников. Лирический (авторский) «я»-герой тяготеет к образу Вечного Шотландца, а «мы»-герои – к образу всего шотландского народа. Таким авторским интенциям соответствуют жанровые модели сентименталистской идиллии, классицистической или романтической оды, религиозного гимна, жития или проповеди. В эти жанры зачастую и переливаются песни, элегии или баллады: доминантные метрополийные жанры для шотландской поэзии XIX века.

В Главе III «Образ «новой» Родины (США)» продолжено изучение патриотических мотивов шотландской эмиграционной поэзии, но теперь уже на американском материале. Структура этой главы изоморфна структуре Главы II. Она содержит анализ американского пространства (§III.1.), американского времени (§III.2.) и американских персонажей (прежде всего, «американских шотландцев», §III.3.). Названные параметры сопоставлены с аналогичными параметрами «первой» Родины (Шотландии). Выявлены их интегральные и дифференциальные черты.

Как показали обобщённые нами документы, статус и место шотландцев в жизни США конца XVIII-начала XX веков были достаточно высокими. Шотландцы дали США 5 президентов, 6 вице-президентов, свыше 30 сенаторов, свыше 80 губернаторов различных штатов. На

международной арене шотландцы служили послами или поверенными в делах США в 17 странах, в т.ч. в России (John Wallace Riddle, 1906-1909). Среди военных шотландцами были 32 генерала, 7 адмиралов, военные инженеры высокого ранга и даже знаменитый партизанский командир эпохи Гражданской войны. В боевых действиях участвовали члены крупнейших шотландских кланов (Стюарты, Монтомгери, Гамильтоны, Дугласы и др.), в т.ч. роды, давшие известных поэтов (Гордоны, Скотты, МакФерсоны и др.). В числе видных религиозных деятелей США также было немало шотландцев: трое «ректоров», т.е. глав приходов, 9 епископов, 1 архиепископ и т.д. Наконец, американоязычными литераторами шотландского происхождения стали 3 прозаик-травелогиста, 4 романиста, 2 эссеиста, 2 драматурга, 13 поэтов, в т.ч. 3 поэтессы. Кельтские корни были у видных американских писателей И. Стоуна, Ф. Купера, Э.А. По.

Все они жили и действовали в широком «американском пространстве» от Востока страны, промышленного и торгового, до Запада, своеобразной аграрной «целины»; от либерального Севера до консервативного Юга. В стихах шотландской эмиграции пространство это документируется, но существенно видоизменяется (§III.1).

Список американских реалий у поэтов-эмигрантов гораздо меньше списка реалий шотландских. Кроме того, он менее биографичен, но более социологичен. По имени названы те горы, реки, озёра и т.п., какие стали либо военными символами, либо эмблемами тех или иных штатов. Штаты же и города – не столько места, обжитые по-семейному «новыми американцами», выходцами из Шотландии, сколько адреса юбилеев и официальных праздников, местоположение «каледонских» (шотландских) клубов и/или памятников американским политикам.

Лейтмотив американского топоса у шотландских авторов – огромная (grand), широкая (wide) страна. Однако ни дневная деловая жизнь больших американских городов, ни их ночные досуги не становятся здесь предметом подробного описания. С другой стороны, в американском топосе исчезает священный центр топоса шотландского – родовое жилище, семейный очаг. Его заменяет клуб земляков или его подобия (спортивное общество, местечковый сарайчик, где любят собираться разбросанные по разным концам американского света шотландцы-эмигранты и т.п.) (D.C. MacCallum, W.M. Wood, J. Kennedy, J.D. Law etc.).

§III.2 посвящён американскому времени. Оно тоже не вполне совпадает по своим характеристикам со временем шотландским. Это время более исторично и менее биографично, меньше является временем

авторским и больше – временем, передоверенным другим действующим лицам.

В поэзии эмиграции мало американского природного времени. Мало и примет возраста «американцев-шотландцев»: как примет негативных (дряхлость, потеря вкуса к жизни), так и позитивных (юношеская острота ощущений, романтика странствий, влюблённость в жизнь). Для поэтов-шотландцев – США страна не «молодая», а «новая». Такая характеристика вполне соответствует многочисленным американским реалиям-топонимам с компонентом «new» (New England, New Jersey, New York etc.). Т.о. своё новое «время и место» поэты-эмигранты осмыслиют в духе уже формирующегося американского стереотипа – культа новизны.

Для Шотландии (и шотландских поэтов) «осевым» временем явился IX век – время объединения пиктов, бриттов и скоттов в единую нацию и единую державу. «Пограничным» же временем можно считать XVII век: Англо-Шотландскую унию, превращение Шотландии в английскую провинцию и сопротивление этому процессу.

В истории США поэты диаспоры также выделяют эпизоды, где главными лицами были шотландцы. Например, в обследованном нами поэтическом корпусе нет стихов, посвящённых другим первопоселенцам Америки из Старого Света, будь то средневековые викинги или ренессансные конкистадоры (кроме Колумба). Зато есть тексты о Хайлендерах (шотландских горцах), сражавшихся в Гражданскую войну (1875-78). История перетекает здесь в солдатские легенды, местные предания, фольклорные песни-баллады, становясь «золотой историей» США. В этом качестве она сближается со столь же легендарной «золотой историей» Шотландии.

В §III.3 анализируется система «американо-шотландских» персонажей. Для шотландской эмиграции главный «мы»-персонаж истории Шотландии – народ как единица национальная, а истории США – народ как единица политическая.

По той же причине поэты-эмигранты охотно принимали участие во всевозможных историко-политических праздниках и юбилеях США (стихи Х. МакКаллоха в честь 100-летия США (1876); Д.М. Хендерсона – во славу штата Колумбия, Дж.Д. Лоу – во славу штата Пенсильвания; участие эмигрантов в конкурсах на новые слова для неформального гимна США «Янки, Дудль» и т.п.).

Не акцентируют зато «американские шотландцы» ни индейских, ни афроамериканских, ни латиноамериканских исторических событий и/или символов. Слишком важен для них мотив Америки как своего собственного «нового» хроноса и топоса. Только так – морально и

психологически оправдывается их эмиграция. Именно потому для них опасно заострять вопрос, какие ещё народы жили, живут или будут жить в этом хроносе и топосе; как это может повлиять на их патриотические чувства и права. На «старой» Родине борьба за национальную свободу и культуру подразумевала единственного противника – внешнего. В США та же борьба за сохранение шотландской культуры вступала если не в открытый конфликт, то в сложные отношения с пафосом панамериканизма.

В результате наиболее органичными оказались для «американских шотландцев» персонажи, наиболее близкие людям прежнего метрополийного мира. Это были простые труженики, обитатели «одноэтажной Америки»: ветераны Гражданской войны и попечители детей-сирот; фермеры-благотворители храмов и больниц. Если же это были президенты и генеральные судьи США, то они выступали в юмористической роли собственных памятников.

Утопический хронос и топос эмиграционной поэзии подкреплялся, т.о., утопическим же населением этих мифологизированных Штатов. Шотландия и шотландцы в этом «большом мифе» XIX века сделались идеальным – героическим и подвижническим – образцом для любого этноса Америки. Сама же Америка и американцы превратились в идеальное – энергичное, оптимистичное и открытое – будущее, также для всякого народа. Этот миф ограничил допуск в него многих реальных персонажей из обеих стран, «отредактировал» многие подлинные черты обоих народов. В то же время он помог продемонстрировать действительно единые – вольнолюбивые, демократичные, жизнестойкие – основы характера обеих наций.

1. Поэты-шотландцы США стремились создать (и до известной степени создали) свой образ страны, ставшей их второй Родиной. Этот образ складывался из американского хронотопа, американских сюжетов и персонажей, – как исторических, так и современных.

При создании этого образа поэты-эмигранты опирались на традиции собственной метрополийной поэзии – прежде всего, шотландской поэзии XVII-XVIII вв. Это касается в первую очередь жанров, и фольклорных, и литературных (бароккальных, классицистических, сентименталистских, романтических).

2. Историко-литературное «запаздывание» шотландской поэзии США по сравнению с метрополией отчасти совпадает с аналогичным «запаздыванием» литературы американской по сравнению с литературными процессами Старого Света. Однако у шотландцев этот разрыв был ещё значительней, поскольку метрополийная шотландская

поэзия, после унии Шотландии с Англией и последующего перемещения культурного центра из Эдинбурга в Лондон, после отъезда туда многих представителей шотландской интеллигенции, к XIX веку стремительно провинциализировалась, хотя одновременно сопротивлялась этому процессу.

3. Специфику образа США у поэтов-шотландцев можно поэтому суммировать по нескольким параметрам. Американское пространство поэтически осваивалось изучаемыми авторами быстрее и шире, чем американское время. Схожим образом, освоение американских сюжетов и житейских ситуаций давалось поэтам-шотландцам легче, нежели освоение американских характеров. Последнее требовало и другого литературного психологизма, и другой степени близости между шотландской диаспорой и обществом США в целом.

4. Оттого имидж США в шотландской эмиграционной поэзии «выигрывает» у имиджа Шотландии и как огромное пространство, и как государство материальных возможностей и юридических прав. Но имидж Шотландии «выигрывает» у имиджа США как пространство домашнее, материнское, край детства и юности, предков и истоков. Соответственно, прошлое США для исследуемых поэтов – это прежде всего политическая история. Прошлое Шотландии – это не только национальная, но и родовая, и личная биография самого автора. Она всегда имеет для него личную важность и вызывает личную остроту сопереживания. «Быть американцами» – желание и долг лирических героев-эмигрантов. Но «быть шотландцами» – их неустрашимое свойство, их постоянный источник вдохновения, сам ракурс, в котором они видят мир, – в том числе, мир американский.

В заключении обобщаются выводы исследования.

1. Шотландская эмиграционная поэзия США представляет собою целый пласт крайне мало изученной (и полузабытой) литературы XIX века. Мы относим эту литературу к шотландской по нескольким причинам.

2. Шотландские поэты сберегли в новой среде обитания не только свой старый язык, шотландский (скотс), но и родной фольклор, и шотландскую культуру. В частности, они сохранили и активно использовали литературные традиции Шотландии, от Средневековья до современности.

3. Поэзию «американских шотландцев» XIX века мы относим поэтому к кросскультурной, а не монокультурной, к эмиграционной, а не просто иностранной литературе, поскольку двойственной (и даже тройственной) является её читательская аудитория. Её составили шотландцы США и

шотландцы исторической Родины, Шотландии (а частично и не-шотландские американцы).

4. Перечисленные факторы не могли не воздействовать на патриотические мотивы исследуемой поэзии. Собственный патриотизм ей пришлось текстуализировать и «по-шотландски», и «по-американски».

5. Подобная текстуализация затронула не только «верхние» контексты шотландских поэтических произведений, созданных в США: их идеологию, тематику, сюжетику, их эксплицитную мораль. Она охватила все контексты, в т.ч. хромотопный (текстовое время и пространство), характерологический (систему персонажей и средств их изображения), жанровый.

6. В силу меньших возможностей, писательских, издательских и читательских, эмиграционная шотландская поэзия США XIX века не смогла сыграть в истории литературы роль того же масштаба, что и поэзия метрополиинная. Она не могла, среди прочего, достичь аналогичного социального критицизма, исторической объёмности, классичности, но и экспериментаторского азарта.

7. В то же время многое она сумела. Порой «старомодная», моралистичная, риторичная, почти всегда подчёркнуто пафосная и одновременно наивно сентиментальная, – поэзия «американских шотландцев» именно этими свойствами и завоевала симпатии своей аудитории (и метрополиинной, и диаспорной).

8. Вместе с тем, её патриотические мотивы отнюдь не лишены самобытности. Их она смогла облечь не только в актуально-политические, но и в мифопоэтические образы, формы, сюжеты. Американскому государству и культуре, гордившимся преимущественно своей «новизной», эта поэзия сумела передать исконно шотландское – и фольклорное, и литературное – уважение к первоистокам национальной духовности и нравственности, к мыслям и чувствам не только «литературы внуков», но и «литературы праотцев».

9. Это дало возможность шотландской эмиграционной поэзии США XIX века, оставаясь массовой и патриотичной, не оказаться примитивной. Изучение её опыта имеет несомненные теоретические перспективы для литературоведческой шотландистики, эмиграционистики и патриологии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в изданиях, рецензуемых ВАК:

1. Велилаева Л.Р. Лингвоконцепты «эмиграция», «Родина» и «чужбина»: анализ и интерпретация (на материале словарей разного типа)

/ Л.Р. Велилаева // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. – Вип. 16. – Т. IV (166). – 620 с. – С. 389-395.

2. Велилаева Л.Р. Украинская научная школа и современные проблемы эмиграционистики / Л.Р. Велилаева // Збірник наукових праць. Вип. 7. – Ч. II. – Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2013. – 368 с. – С. 31-38.

3. Велилаева Л.Р. Зарубежная научная школа по эмиграционистике: основные направления исследований / Л.Р. Велилаева // Сучасні літературознавчі студії. – Київ, 2014. – Вип. 11. – С. 91-97.

4. Велилаева Л.Р. Эмиграция и типология понятия «писатель-эмигрант» в современном эмиграционном дискурсе / Л.Р. Велилаева // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2014. – Т. 27 (66). – № 1. – Ч. 1. – 356 с. – С. 209-213.

5. Велилаева Л. Р. Историко-культурные предпосылки возникновения шотландской эмиграционной литературы / Л.Р. Велилаева // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В.И. Вернадского, 2014. - № 270. – С. 140-143.

6. Велилаева Л. Р. Основні напрямки досліджень з еміграціоністики російської наукової школи / Л.Р.Велилаева // Вісник Житомирського державного університету ім. Івана Франка. – Житомир, 2014. – № 4(76). – С. 265-269.

7. Велилаева Л.Р. Литература британской эмиграции на североамериканском континенте: история возникновения и динамика развития / Л.Р. Велилаева // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В.И. Вернадского, 2014. – № 273. – С. 136-139.

8. Велилаева Л.Р. Шотландские поэты США XIX в.: социокультурный статус и его поэтическая реализация / Л.Р. Велилаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. - № 7(61). Часть 2. – С. 13-15.

9. Велилаева Л.Р. Шотландская эмиграционная поэзия США середины XIX века: религиозный контекст / Л.Р. Велилаева // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. – Грозный, 2017. – № 3 (36). – С. 67-73.

10. Велилаева Л.Р. Образ первой родины-Шотландии: временной аспект / Л.Р. Велилаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. - № 3(69). Часть 2. – С. 23-25.

11. Велилаева Л.Р. Мотив Родины в шотландской эмиграционной поэзии США сер. XIX в.: персональный контекст / Л.Р. Велилаева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2017. – Вып. 7 (184). – С. 160-163.

в других изданиях:

12. Велилаева Л.Р. Понятия «эмигрант», «творчество эмигранта» и «художественная концепция творчества эмигранта» / Л.Р. Велилаева // Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора Адиле Мемедовны Эмировой. – Симферополь, 2013. – 144 с. – С. 107-108.

13. Велилаева Л.Р. Литература и эмиграция / Л.Р. Велилаева // Сборник материалов 3-й международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – Махачкала: ООО «Апробация», 2013. – 195 с. – С. 99-100.

14. Велилаева Л.Р. Шотландская эмиграционная поэзия США середины XIX в.: сюжеты и символы [Электронный ресурс] / Л.Р. Велилаева // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2014. – № 278. – Т.2. – С. 180-186. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/93995?show=full>